

ПСКОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№ 13-й.

1—15 іюля 1915 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ПСКОВЪ.

Электром. типо-лит. Губерн. Земства.
1915.

Вакантныя мѣста—священническія: въ п. Темный Боръ, Холмск. у.; п. Верхоустъ, Псковск. у.; п. Наверешъ, Остров. у.; при Етоновской Введенской церкви г. Великихъ-Луки; въ п. Никола-Хлавицахъ, Холм. у.; діаконскія: при Богоявленскомъ соборѣ гор. Холма; при Успенской кладбищенской церкви г. Великихъ-Луки; псаломщицкія: п. Зелья, Холм. у., при Опочецкомъ соборѣ, п. Гни-кахъ, Остров. уѣз.; пог. Кривовичахъ, Псков. уѣз.; при Николаевской церкви г. Холма.

Ж У Р Н А Л Ы

засѣданій сѣзда о.о. депутатовъ Торопецкаго учи-
лищнаго округа, состоявшихся 2-го и 3-го сентября
1914 года въ городѣ Тороцѣ, Псковской губерніи,
въ зданіи духовнаго училища.

Журналъ 1-й. На засѣданіе сѣзда депутатовъ прибыли: священ-
никъ Торопоградской Входа-Іерусалимской церкви Василій Носокъ, сви-
щенникъ погоста Неворожъ Іоаннъ Дубровскій, священникъ Николаевской
церкви г. Холма Алексій Добрянскій, священникъ погоста Бережувъ
Василій Владимірскій, священникъ погоста Столопна Феодоръ Знаменскій,
священникъ погоста Вадвицева Павелъ Холмскій и священникъ погоста
Почепя Никандръ Грявскій.

Послѣ молитвы Св. Духу о.о. депутатами единогласно избранъ
предсѣдателемъ сѣзда благочинный г. Холма, о. Алексій Добрянскій и
дѣлопроизводителемъ сѣзда священникъ погоста Столопна о. Феодоръ
Знаменскій.

Засѣданіе сѣзда предсѣдателемъ сѣзда объявлено открытымъ,
послѣ чего и приступлено къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ раз-
смотрѣнію сѣзда.

№ 4250. 12 сент. 1914. Читалъ. Е. Е.

Журналъ 2-й. *Слушали:* отношеніе Правленія училища, отъ 1
сентября за № 367-мъ, съ представленіемъ утвержденныхъ Его Прео-
священствомъ, Преосвященнѣйшимъ Евсеіемъ, Епископомъ Псковскимъ и
Порковскимъ, а, отчета по содержанію училища за 1913-й годъ и
журнала Ревизіоннаго Комитета и 6, смѣту прѣхода и расхода по со-
держанію училища на 1915-й годъ.

Постановили: а, отчетъ и журналъ Ревизионнаго Комитета принять къ свѣдѣнію и возвратить въ училище; б, смѣту прихода на 1915 годъ признать правильной и принять въ суммѣ 11218 руб.; смѣту расходовъ признать подлежащей удовлетворенію. Увеличеніе платы за содержаніе учениковъ (по ст. 23-й) признать мѣрой временной, вызванной вздорожаніемъ продуктовъ по причинѣ войны и другихъ обстоятельствъ. Повышеніе платы за учебники (по ст. 24-й) принять при условіи снабженія учениковъ книгами и учебными принадлежностями въ безусловно достаточномъ количествѣ.

№ 4251. 12 сент. 1914. Утверждается. Е. Е.

Журналъ № 3-й. Слушали: прошенія учителей церковно-приходскихъ школъ—Столобенской Петра Соколова и Ярославской—Василія Богданова о принятіи ихъ дѣтей, обучающихся въ училищѣ, на казенное содержаніе.

Постановили: если окажутся свободными средства послѣ удовлетворенія нуждъ дѣтей духовенства, желательно, чтобы просителямъ было оказано возможное пособіе.

№ 4252. 12 сент. 1914. Читалъ. Е. Е.

Журналъ № 4-й. Слушали: предложеніе Правленія училища объ избраніи членовъ Ревизионнаго Комитета на 1915-й годъ.

Постановили: благодарить бывшихъ членовъ священниковъ—о. Нила Архангельскаго, о. Василія Сергіевскаго и о. Алексія Ратьковскаго и избрать ихъ членами Комитета на 1915-й годъ.

№ 4253. 12 сент. 1914. Утверждается. Е. Е.

Журналъ № 5-й. Слушали: предложеніе о. Предсѣдателя сѣзда о назначеніи времени слѣдующаго очереднаго собранія.

Постановили: назначить слѣдующее очередное собраніе о.о. депутатовъ Торопецкаго училищнаго округа въ 1915 году на 2 сентября, въ 6 часовъ вечера, въ зданіи Торопецкаго духовнаго училища.

№ 4254. 12 сент. 1914. Согласенъ Е. Е.

Предсѣдатель сѣзда священникъ Алексій Добрянскій. Священникъ Василій Владимірскій, священ. Павелъ Холмскій, священникъ Василій Посовъ, священникъ Никандръ Гривскій. Дѣлопроизводитель сѣзда, священникъ Феодоръ Знаменскій.

Отчетъ о состояніи Пековского Епархіального женскаго училища за 1913—1914 учебный годъ.

I. Личный составъ служащихъ лицъ.

Въ составѣ служащихъ въ училищѣ лицъ въ теченіе отчетнаго года произошли слѣдующія перемѣны: 1. Членъ Совѣта отъ духовенства Протоіерей Михаилъ Каменскій оставилъ службу въ училищѣ вслѣдствіе назначенія его членомъ Духовной Консисторіи и уволенъ отъ нея резолюціей Его Преосвященства съ 8 октября. 2. На его мѣсто назначенъ резолюціей Его Преосвященства отъ 28 сентября Протоіерей Спасо-Нароменской церкви Д. Пановъ. 3. Кандидатомъ къ нему назначенъ священникъ эстонской Георгіевской церкви Алексій Баллодъ, по резолюціи Его Преосвященства, отъ 23 октября. 4. Членъ Совѣта, дѣлопроизводитель и казначей оного священникъ Михаилъ Посильковъ оставилъ службу въ училищѣ вслѣдствіе назначенія его членомъ Консисторіи и уволенъ отъ нея по резолюціи Его Преосвященства, отъ 1 февраля 1914 года. 5. На его мѣсто членомъ Совѣта назначенъ кандидатъ—священникъ Николай Колибарскій, законоучитель женской гимназій, резолюціей Его Преосвященства, отъ 20 февраля 1914 года. 6. Дѣлопроизводителемъ и Казначеемъ избранъ Совѣтомъ 3 февраля и утвержденъ резолюціей Его Преосвященства священникъ Павелъ Жемчужинъ отъ 20 февраля. 7, 8 и 9. Преподаватель физики Яковъ Петропавловскій, преподаватель Гражданской Исторіи въ III—VI классахъ Василій Грацилевскій и преподаватель географіи во II—V классахъ и Гражданской исторіи въ III парал. классахъ Иванъ Дмитріевъ, какъ преподаватели Духовной Семинаріи, вслѣдствіе введенія новикахъ штатовъ въ послѣдней, оставили службу въ училищѣ съ 27 сентября и уволены отъ нея по резолюціи Его Преосвященства, отъ 2 октября. 10. Уроки физики по предложенію Совѣта, отъ 27 сентября и съ утвержденія Его Преосвященства отъ 2 октября, принялъ на себя Инспекторъ классовъ, Протоіерей Г. Преображенскій, какъ много лѣтъ преподававшій этотъ предметъ на предшествующихъ мѣстахъ службы, при чемъ онъ отказался отъ преподаванія славянскаго языка въ I—IV классахъ. 11, 12, 13 и 14. Уроки славянскаго языка, по постановленію Совѣта, отъ 27 сентября, утвержденному Его Преосвященствомъ 2 октября временно предоставлены въ IV классѣ начальницѣ училища П. П. Зубовой, въ III штатн. и параллельн. преподавателю русскаго языка К. Песову, во II классѣ преподавательницѣ русскаго языка

Антонистъ Бодашковой, и въ I классѣ воспитательницъ этого класса Маріи Печанской. 15. Уроки Гражданской Исторіи въ VI и V классахъ временно предоставлены по постановленію Совѣта, отъ 27 октября, утвержденному Его Преосвященствомъ 2 ноября учителю Городского училища Николаю Семенову, а въ IV и III штатномъ и параллельномъ воспитательницамъ этихъ классовъ. 19, 20, 21 и 22. Уроки Географіи въ V и IV кл. временно оставлены за преподавателемъ Духовной Семинаріи Ив. Дмитріевымъ, а во II и III-мъ штатномъ и параллельномъ временно поручены воспитательницамъ этихъ классовъ. 24. Штатной преподавательницей гражданской исторіи въ III—VI кл. и географіи во II—V, опредѣлена Совѣтомъ 9 октября 1913 г. и утверждена Его Преосвященствомъ 23 октября 1913 года окончившая Петроградскіе высшіе женскіе курсы по историко-филологическому факультету дѣвица Марія Хлѣбникова. 24. Преподавательница природовѣдѣнія женщина врачъ, Марія Тихвинская, отказалась отъ уроковъ въ училищѣ съ 15 августа и уволена по резолюціи Его Преосвященства, отъ 4 сентября. 25. На ея мѣсто опредѣлена женщина врачъ Елизавета Гвоздикова по постановленію Совѣта отъ 5 сентября, утвержденному Его Преосвященствомъ 19 сентября 1913 года. 26 и 27. Воспитательница III штатнаго класса Анна Принаборская и помощница воспитательницы Анна Черешкина оставили службу въ училищѣ и уволены отъ нея съ 15 августа по резолюціи Его Преосвященства, отъ 2 сентября. 28. Учительница нѣмецкаго языка Евгенія Раухъ по прошенію уволена отъ службы съ 5 сентября по резолюціи Его Преосвященства отъ 19 сентября. 29. На ея мѣсто опредѣлена Елизавета Исаева съ 5 сентября по резолюціи отъ 19 сентября. Постѣ этихъ перемѣнъ составъ служащихъ въ училищѣ лицъ въ концѣ отчетнаго года и началѣ новаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

С О В ъ Т Ъ.

1. Предсѣдатель Совѣта—законоучитель Псковской Учительской Семинаріи, священникъ Александръ Юнашевскій, окончившій курсъ Духовной Семинаріи, служить безмездно съ 14 января 1896 года.
2. Начальница училища дочь Тайнаго Совѣтника, Параскева Зубова, окончившая педагогическіе курсы Петроградскихъ женскихъ гимназій, съ званіемъ домашней наставницы, служить съ 17 августа 1894 года, съ жалованьемъ въ 500 руб. въ годъ при готовыхъ квартирахъ, отопленіи, освѣщеніи и столѣ.
3. Инспекторъ классовъ Протоіерей Георгій

Преображенскій, кандидат богословія, на педагогической службѣ состоитъ 26 руб., а въ должности Инспектора классовъ 17, въ частности въ Псковскомъ училищѣ съ 1 августа 1913 года, съ жалованьемъ по должности Инспектора классовъ въ 150 руб. въ годъ и за совершение богослуженія въ училищной церкви 150 рублей при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. 4. Членъ Совѣта отъ духовенства Священникъ Псковскаго Иоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря Николай Карасевъ, окончившій курсъ Духовной Семинаріи, состоитъ членомъ Совѣта училища съ 29 октября 1912 года, служа безмездно. 5. Членъ совѣта отъ духовенства, Протоіерей Димитрій Пановъ съ 23 октября 1913 года, служить безмездно. 6. Членъ Совѣта отъ духовенства, Священникъ Николай Колиберскій, законоучитель Псковской женской гимназіи, съ 20 февраля 1914 года, служить безмездно. 7. Кандидатомъ къ нимъ состоитъ священникъ Псковской Георгіевской церкви Алексій Баллодъ. 8. Членъ Совѣта отъ преподавателей, штатный преподаватель училища Константинъ Носовъ, съ 14 сентября 1912 года, служить безмездно. 9. Старшая воспитательница Антонина Бодашкова съ 19 октября 1910 года съ вознагражденіемъ въ 120 руб. въ годъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ Совѣта Выбутской второклассной женской школы.

По случаю ремонта въ школѣ приемный экзаменъ будетъ 1-го сентября сего 1915 года. Отъ желающихъ держать экзаменъ требуется метрическая выписка о рожденіи и свидѣтельство или удостовѣреніе объ окончаніи одноклассной школы.

Редакторъ М. Кутузовъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

№ 13-й. 1—15 іюля.

Янъ Гусъ—его жизнь и ученіе.

(по поводу пятисотлѣтія со дня его кончины).

6 іюля 1415 г. въ г. Констанцѣ мученически—на кострѣ, окончилъ свою жизнь замѣчательный славянскій дѣятель—чешскій проповѣдникъ и ученый, мистръ (магистръ) священникъ Янъ Гусъ. «Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ», замѣчаетъ о казни Гуса одинъ изъ его противниковъ—карляваль *Эней Сильвій*, впоследствии папа Пій II. И такое предсмертное настроеніе поватно въ человѣкѣ, вся дѣятельность котораго была озарена глубокою вѣрою въ будущую, безконечную жизнь во Христѣ; который въ предсмертномъ завѣщаніи своему любимому ученику—пражскому священнику Мартину, даетъ наставленіе: «не бойся смерти, если хочешь вѣчно жить со Христомъ».

Гусъ родился въ 1369 г. въ пограничномъ съ Баваріею селеніи Гусинацѣ, въ небогатой крестьянской семьѣ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился отца и первоначальнымъ воспитаніемъ былъ обязанъ матери, женщинѣ кроткой и благочестивой. Она научила сына молиться на родномъ языкѣ и—какъ вспоминалъ поздиѣ Гусъ—безхитростно разъяснила ему непонятныя слова молитвъ. При жизни матери Гусъ прошелъ и курсъ первоначальнаго школьнаго обученія въ ближайшемъ въ его родинѣ городкѣ Прахатицахъ. Это была обычная въ то время церковная школа, съ схоластическимъ преподаваніемъ на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ. Заботами матери Гусъ былъ опредѣленъ затѣмъ и въ высшее учебное заведеніе—Пражскій университетъ. Преданіе добавляетъ, что мать Гуса сама отвезла сына въ Прагу. По принятому тогда обычаю, она захва-

туда съ собою, въ качествѣ подарка ректору, вкромѣ и гуся; но по дорогѣ гусь улетѣлъ, и бѣдная женщина, принявъ это за печальное предзнаменованіе, въ пламенной молитвѣ поручала сына Божему попеченію ¹⁾.

Повидимому, вскорѣ послѣ этой поѣздки въ Прагу мать Гуса скончалась, и въ новыхъ условіяхъ столичной жизни Гусъ всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ. Какъ и большинству историческихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ простой среды, Гусу пришлось рано ознакомиться съ нуждою, на собственномъ примѣрѣ убѣдиться въ превосходствѣ спартанскаго воспитанія передъ аѳинскимъ, — о чемъ такъ краснорѣчиво разсказывали университетскія лекціи. Позднѣе, вспоминая о годахъ полуголодной своей студенческой жизни, Гусъ передавалъ, что, сдѣлавъ ложку изъ хлѣбнаго мякша (настоящей не на что было купить), онъ съ такимъ аппетитомъ кушалъ гороховый супъ, что незамѣтно сѣдалъ и импровизированную ложку ²⁾.

Но матеріальная нужда не помѣшала Гусу успѣшно окончить университетскій курсъ. Въ 1393 г. его имя встрѣчается уже въ спискѣ бакалавровъ пражскаго университета; въ 1396 г. онъ получалъ магистерскую степень, черезъ два года сдѣлался профессоромъ, а въ 1402—3 г.г. занималъ въ университетѣ и высшую должность—ректора

Пражскій университетъ, основанный въ 1348 г. по образцу Парижскаго и Оксфордскаго университетовъ, въ научномъ отношеніи стоялъ очень высоко—славился своими профессорами, громаднымъ количествомъ

¹⁾ О дѣтствѣ и юности Гуса сохранилось вообще немного свѣдѣній. Но какъ и вокругъ большинства замѣчательныхъ дѣятелей, о Гусѣ сложилось нѣсколько преданій и легендъ. Большая часть изъ нихъ историческаго значенія, разумѣется, не имѣетъ; но они интересны и цѣнны, какъ показатель глубокаго вниманія почитателей Гуса къ этой замѣчательно свѣтлой личности; а потому нѣкоторые изъ сохранившихся преданій и болѣе позднихъ историческихъ цвѣтій я приведу въ своемъ разсказѣ.

²⁾ Сохранилось три болѣе поздн. извѣстія о студенческой жизни Гуса. По одному изъ нихъ, Г. поступилъ студентомъ къ одному изъ универ. профессоровъ; по другому, онъ напился носить въ университетъ книги какому-то богатому студенту. Правдоподобнѣе третье, что Г., вмѣстѣ съ другими бѣдными школярами, зарабатывалъ себѣ пропитаніе, прислуживая въ церкви за богослуженіемъ, а также собирая подаянія подъ окнами болѣе зажиточныхъ жителей Праги. Для послѣдней нѣли бѣдняки—студенты устраивали уличные хоры.

студентов¹⁾, и для средней Европы был центром просвещения, привлекалъ къ себѣ слушателей изъ разныхъ странъ—Германія²⁾, Польша, Литва и Западной Руси, даже изъ юго-славянскихъ земель. Гусу университетскій курсъ далъ обширныя познанія, съ тѣмъ, конечно, богословско-схоластическимъ, далекихъ отъ вопросовъ практической жизни, отъѣнкомъ, которымъ отличалось и все средневѣковое научное направление. По сочиненіямъ Гуса на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ значительная часть представляла собою курсъ университетскихъ его чтеній, можно видѣть, что Гусъ отлично владѣлъ средневѣковою латынью и усвоилъ всѣ тонкости схоластическаго мышленія. Онъ былъ такъ искусенъ въ схоластическихъ словопреніяхъ, что на Констанцскомъ соборѣ легко отпарировалъ казуистическія обвиненія самымъ замѣчательныхъ парижскихъ и оxfordскихъ богослововъ того времени, мнѣе же опытныхъ въ спорахъ своихъ обвинителей онъ прямо ставилъ въ тупикъ, ловкими силлогизмами доказывая имъ, до какого абсурда можетъ донести то или другое изъ защищаемыхъ ими богословскихъ положеній.

Но если по своей формѣ и по изложенію латинскія сочиненія Гуса ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ въ то время ученыхъ схоластическихъ трактатовъ, то въ содержаніи ихъ была и новая струя, которая невольно ставила ученаго профессора въ сопряженіе съ злободневными вопросами мѣстной жизни; съ ученой кафедры толкала его на путь широкой церковно-общественной дѣятельности.

Дѣло въ томъ, что среди чешскихъ профессоровъ Прагскаго университета успѣли уже значительно распространиться идеи и взгляды «редоначальника» протестантизма, англійскаго профессора—священника *Джона Виклефа*³⁾. Идеи этого ученаго находили для себя отголосокъ

¹⁾ По указанію чешскаго ученаго *Ф. Палацкаго*, въ 1408—9 г.г. онъ имѣлъ не мнѣе 8000 студентовъ.

²⁾ Тогда не было еще нѣмецкихъ университетовъ.

³⁾ *Дж. Виклефъ* (род. около 1320 г. умеръ въ 1384 г.), профессоръ Оксфордскаго университета и священникъ приходской церкви, въ своихъ сочиненіяхъ выступилъ защитникомъ независимости Англій, поработенной въ XIII в. папою, (и страстнымъ противникомъ папскаго и вообще католич. клерикальнаго строя церкви. Въ своей полемикѣ онъ дошелъ до крайностей; сталъ отрицать не только папство, но и іерархію вообще, а также нѣкоторыя таинства, въ частности пресуществленіе св. Даровъ. Источникомъ вѣроученія онъ считалъ Свящ. Писаніе. Католическою церковію Виклефъ, какъ еретикъ, былъ осужденъ, и только благодаря защитѣ англійскимъ парламентомъ, избѣжалъ обычной участи осужденныхъ—сожженія

даже въ литературной дѣятельности чешскихъ писателей, не связанныхъ съ университетомъ, ближе, чѣмъ профессора, стоявшихъ къ народной жизни, (напр., Омы Штитнаго); онѣ же могли способствовать и равнему появленію, а также разпространенію въ народѣ библии на чешскомъ языкѣ. Чешскіе студенты, пользуясь покровительствомъ англійской королевы Анны (дочери чешскаго государя Карла IV), для окончанія образованія нерѣдко посѣщали Оксфордскій университетъ и оттуда принесли на родину списки сочиненій Виклефа.

Къ кружку чешскихъ виклефистовъ примкнулъ и Янъ Гусъ: но сначала онъ познакомился лишь съ философскими трактатами Виклефа, въ которыхъ религіозно-практическіе вопросы почти не затрогивались. Позднѣе Гусъ сдѣлался сторонникомъ и богословскихъ воззрѣній Виклефа, хотя—какъ увидимъ ниже—никогда не былъ слѣпымъ его подражателемъ¹⁾.

Вліяніе Виклефа особенно замѣтно въ главномъ сочиненіи Гуса—его латинскомъ Трактатѣ о Церкви. Сравнивая это сочиненіе съ однороднымъ по заглавію Трактатомъ Виклефа, видимъ, что не только внѣшняя форма, но и вся основная часть сочиненія Гуса представляетъ собою рядъ заимствованій, болшую частію *буквальныхъ*, изъ Трактата Виклефа²⁾. Вліяніе Виклефа отразилось затѣмъ и на характерѣ борьбы

на кострѣ. Но воспользовавшись католич. реакціею въ Англии, папство, спустя уже слишкомъ сорокъ лѣтъ послѣ смерти Виклефа, всетаки добилось исполненія надъ нимъ своего приговора: прахъ Виклефа былъ вырытъ изъ могилы, подвергненъ поруганію и затѣмъ выброшенъ въ рѣку.—Тоже схоластикъ по строю своего мышленія, Виклефъ, по отзыву современниковъ, отличался необыкновенною ученостію. Въ нравственномъ отношеніи—если не считать нѣкоторыхъ не вполне симпатичныхъ чертъ въ его характерѣ—Виклефъ также представлялъ собою выдающуюся личность. Для англичанъ особенную услугу онъ оказалъ своимъ переводомъ библии на англійскій языкъ и заботами о распространеніи въ народѣ, при помощи такъ называемыхъ „бѣдныхъ“ священниковъ, знакоства съ Свящ. Писаніемъ.

¹⁾ Сохранилось болѣе позднее извѣстіе о томъ, что Гусъ лишь послѣ нѣкоторыхъ колебаній сдѣлался защитникомъ богослов. взглядовъ Виклефа, сначала же они показались ему слишкомъ смѣлыми. Заставъ одного изъ своихъ учениковъ за перепискою сочиненій Виклефа, Гусъ далъ ему совѣтъ оставить эту работу, а оригиналы переписываемаго бросить въ рѣку Молдаву.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ можно будетъ ознакомишься въ (подготовляемомъ къ печати) моемъ изслѣдованіи сочиненій Гуса. Тамъ

Гуса съ недостатками въ церковной жизни того времени, на томъ страстномъ призывѣ къ религиозно-яривственному возрожденію своей родины, которому посвящалъ Гусъ свою жизнь, свои званія, всю свою пламенную любовь и ревность о правдѣ Божіей и о чести своего народа. Но и здѣсь—повторю—авторитетъ англійскаго ученаго вовсе не поглядывалъ собою дѣятельности чешскаго проповѣдника, не сводилъ ея на роль простой лишь пропаганды чужихъ взглядовъ и мыслей. Самое же выступленіе Гуса на путь борьбы съ «церковною неправдою» произошло и вообще безъ вліянія Виллефа, было вызвано съ одной стороны, мѣстными условіями религиозной жизни, съ другой, особенными чертами въ личности чешскаго проповѣдника, до противоположности иногда отличавшимися Гуса отъ его англійскаго учителя. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Въ 1402 г. Гусъ принялъ священство и былъ назначенъ проповѣдникомъ въ Вялеемской часовнѣ¹⁾. Онъ не порывалъ связей съ университетами, принималъ живое участіе въ важнѣйшихъ университетскихъ событіяхъ и по прежнему пользовался въ университетской средѣ авторитетомъ замѣчательнаго ученаго. Но главное вниманіе Гуса было теперь направлено на проповѣдническую дѣятельность. Ученый каедрѣ онъ предпочиталъ скромную скамью церковнаго проповѣдника, университетской корпораціи—разнородную и въ массѣ своей совершенно неиро-

будутъ даны литературныя сопоставленія изъ общихъ памятниковъ. Пока ограничусь слѣдующимъ поясненіемъ.

Зависимость отъ Виллефа, доходящая до буквальныхъ выписокъ, у Гуса, писателя если и не выдающагося, то во всякомъ случаѣ не компоста чужихъ мыслей и словъ, въ значительной степени объясняется самыми условіями происхожденія Гусова Трактата о Церкви. Сочиненіе это написано въ 1413 г., но, несомнѣнно, въ черновомъ видѣ оно появилось гораздо раньше, было предметомъ универ. чтеній Гуса. По существовавшимъ же въ средневѣковыхъ университетахъ традиціямъ, профессорамъ рекомендовалось придерживаться въ своихъ чтеніяхъ сочиненій общенѣстныхъ ученыхъ. Оттого средневѣк. профессоры, вмѣсто самостоятельныхъ лекцій, обычно ограничивались чтеніемъ и комментариемъ чужихъ сочиненій и отъ студентовъ требовали, чтобы тѣ являлись на лекціи обязательно съ книгами и по книгѣ внимательно слѣдили за лекціей профессора. Въ Пражскомъ университетѣ между прочимъ рекомендовалось пользоваться сочиненіями оксфордскихъ профессоровъ. Въ Трактатѣ о церкви Гуса, даже и въ мѣстахъ буквальныхъ заимствованій у Виллефа, встрѣчаемъ вставки и поспелія Гуса.

¹⁾ Вялѣ, часовня въ Прагѣ незадолго передъ этимъ была построена специально для проповѣданія на чешскомъ языкѣ.

свѣщенную аудиторію млолаемскихъ богомольцевъ. Проповѣдь слова Божія на родномъ языкѣ Гусъ считалъ первою обязанностию священническаго служенія и такъ опредѣлялъ цѣль своей жизни: «я желаю жить для тѣхъ, которые терпятъ несправедливости и нуждаются въ утѣшеніи—въ проповѣди слова Божія».

Своею проповѣдническою дѣятельностью Гусъ снискалъ себѣ всеобщую вѣстность, во всѣхъ классахъ чешскаго общества, и изъ проповѣдника маленькой Бржезской часовни превратился въ учителя всей Чехіи. Его чешскія сочиненія переписывались и читались въ разныхъ уголкахъ чешскаго государства и позднѣе, напр., въ XVII в., когда католическое духовенство безжалостно уничтожало все сколько-нибудь напоминавшее чехамъ о Гусѣ, — Гусовы книги чехи, скрывая въ укромныхъ мѣстахъ, куда не могъ проникнуть даже зоркій глазъ іезуитовъ, берегли какъ національную святыню. Гусъ имѣлъ огромное влияние на своихъ слушателей и учениковъ; одного знака рукою достаточно было, чтобы успокоить волнующуюся многочисленную толпу; его слово въ глазахъ его послѣдователей и учениковъ имѣло непререкаемый авторитетъ. А между тѣмъ Гусъ вовсе не обладалъ особеннымъ какимъ-нибудь даромъ краснорѣчія, способногю, «глаголомъ жечъ сердца людей». Наоборотъ, въ его чешскихъ поученіяхъ часто встрѣчаемся съ крупными литературными неучетами: съ отсутствіемъ стройнаго плана и яснаго развитія основной мысли, съ ненужнымъ для дѣла обиліемъ смысловъ, поясненій, мелочныхъ дробныхъ подраздѣленій, съ тѣмъ же, какъ и въ латинскихъ сочиненіяхъ, схоластическими приемами доказательствъ, съ искусственно-риторическимъ сладомъ рѣчи. Ясно, такимъ образомъ, что не ораторскій талантъ проповѣдника создавалъ Гусу рѣчь и слово.

Вліяніе Гуса не могло основываться и на его ученюмъ авторитетѣ. Въ своихъ чешскихъ сочиненіяхъ онъ по возможности старался даже избѣгать научныхъ построеній, скорѣе наоборотъ, исходилъ до уровня развитія главной массы своихъ слушателей—простонаредья. Да и какъ ученый, по тому времени, правда, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, Гусъ вѣстакъ не выдѣлялся изъ общаго уровня. Ни въ какомъ случаѣ нельзя его отнести въ разрядъ тѣхъ немногихъ въ средніе вѣка лопъ, которыя своими учеными трудами пролагали новые пути знанія или хотя бы новые методы для изслѣдованія старыхъ вопросовъ. И какъ ученый, и какъ проповѣдникъ Гусъ не былъ оригиналенъ; онъ стоялъ въ большой зависимости отъ ученыхъ и гомилетическихъ сочиненій—тогдашнихъ литературныхъ образцовъ, и не всегда умѣлъ выбирать изъ нихъ дѣйствительно образцовое.

Гусъ не искалъ и той популярности, которая искусственно создается стремленіемъ проповѣдника пріаровнаться къ нравственному уровню своихъ слушателей, сводить его на болѣе легкую и удобную роль пастыря. Напротивъ, не выирая на лица, онъ прямо заявлялъ, что ни отъ кого изъ слушателей или читателей не ищетъ ни похвалы, ни выгоды; бросалъ въ глаза суровые упрёки, безъ различія именъ и положеній; былъ проповѣдникомъ—обличителемъ, по преимуществу.

Вліяніе Гуса объясняется преимущественно, если не исключительно, нравственною личностію этого дѣятеля; особенною какою-то религіозною настроенностію, подъ вліяніемъ которой всё затрогиваемые вопросы—не только церковныя, но и національныя, общественныя, даже быдвенныя, Гусъ неизбѣжно переносилъ къ сферу нравственную, разсматривалъ и рѣшалъ ихъ подъ угломъ религіознаго, христіански—поднижвическаго настроенія. Разсматривалъ вопросъ съ научной точки зрѣнія, онъ вѣрѣдко ограничивался (даже и на свой взглядъ) только молотвѣгоми; не могъ ясно разобраться въ схоластической науцѣ, окутывавшей тогдашнюю богословскую мысль. Но всякій разъ, когда онъ переносилъ вопросъ на нравственную почву, его критика принимала сокрушительный характеръ; подъ ея ударами то или другое схоластическое научное построеніе, повидному, неуязвимое, съ логической стороны падало, какъ дѣтскій картонный домикъ. Въ сочиненіяхъ на чешскомъ языкѣ, предназначенныхъ для широкаго круга читателей, Гусъ обычно прибѣгалъ къ такимъ приемамъ нравственной оцѣнки спорныхъ вопросовъ; и потому эти сочиненія гораздо цѣннѣе его ученыхъ латинскихъ трактатовъ и лучше знакомятъ насъ съ личностію и міровоззрѣніемъ ихъ автора.

Вторую отличительную черту въ характерѣ Гуса составляетъ сильно развитое въ немъ національное чувство—любовь къ своему народу, къ родному языку, къ религіознымъ чешскимъ обычаямъ и преданіямъ. Гусъ съ гордостью заявлялъ, что онъ природный чехъ; что его родина—самое христіанское государство; и потому настоящій чехъ, по его убѣжденію, не можетъ быть еретикомъ. Его особенно возмущало обвиненіе противниковъ, что вся Богемія заражена ересью. Отправляясь на судъ Констанцкаго собора, Гусъ отарыто говорилъ, что идетъ въ Констанцу съ цѣлію доказать передъ лицомъ всего католическаго міра благочестіе и чистоту христіанской вѣры Чехіи, полную безосновательность подозрѣній ея въ ереси. Передъ этою главною задачею нисходить въ задній планъ владыки лично на него его многочисленныя враговъ. Своєю дѣла онъ не отдѣляетъ отъ дѣла Чехіи вообще. Гусъ въ полномъ смыслѣ былъ дѣятелемъ національннмъ.

Но его патриотизмъ не ограничивался лишь географическими предѣлами родины. Гусъ съ любовію относился и къ родственному чехамъ польскому народу, съ которымъ у чеховъ были вѣковыя связи; онъ велъ переписку съ польскимъ королемъ Владиславомъ—Ягелло; его учение находило для себя широкій откликъ среди поляковъ; въ своихъ письмахъ Гусъ не раздѣляетъ своихъ друзей чешскихъ и польскихъ, за ихъ заботы о немъ и любовь платитъ имъ одинаковымъ дружескимъ расположеніемъ. Когда Вѣнскій профессоръ *Сибартъ* бросилъ полякамъ обвиненіе, что они такъ же, какъ и чехи, заражены никлефианскою ересью, Гусъ съ такою же страстностію выступилъ на защиту Польши, какъ раньше Чехіи; самую попытку вѣмедкаго профессора обвинить это «славянское царство» въ ересь онъ рѣзко называетъ «дьявольскою наглостію».

Волѣе того. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ и самыхъ талантливыхъ послѣдователей Гуса, его ученикъ и ближій другъ, мистръ *Геронимъ Пражскій*, несомнѣнно по совѣту съ своимъ учителемъ, въ 1413 г. поѣхалъ не только Польшу и Литовскую Русь, но и нашу древній Псковъ ¹⁾. Здѣсь, какъ раньше въ Витебскѣ, Геронимъ сошелся съ православнымъ населеніемъ; несмотря на предупрежденія Вилевскаго католическаго епископа, принималъ участіе въ православныхъ праздникахъ, оказывалъ почтеніе правосл. иконамъ, мощамъ и такимъ поведеніемъ вызвалъ большой соблазнъ въ своихъ литовскихъ спутникахъ и недовольство въ католическомъ духовенствѣ. Позднѣе, на Констанцкомъ соборѣ судьи Геронима готовы даже были усматривать въ такихъ его поступкахъ отступничество отъ католической церкви (чего въ дѣйствительности не было); но и передъ лицомъ трибунала Геронимъ не отказался отъ своего взгляда на православіе русскихъ.

Несомнѣнно, что чешскіе борцы противъ папскаго всеклетія съ интересомъ и сочувствіемъ относились къ не призывавшей папства русской церкви; но, къ сожалѣнію, ихъ свѣдѣнія о русской церковной жизни были такія же смутныя и неполныя, какъ и свѣдѣнія русскихъ, современныхъ Гусу и Герониму, писателей о характерѣ дѣятельности знаменитыхъ чешскихъ проповѣдниковъ. Да и религиозные взгляды Гуса и Геронима едва ли могли быть понятными и приемлемыми для тогдашняго нашего узко-обрядоваго религиознаго міровоззрѣнія. Что же касается самой поѣздки Геронима въ Псковъ, то какихъ-нибудь практическихъ результатовъ, въ смыслѣ сближенія русскихъ съ чехами, она не могла

¹⁾ Самъ Гусъ до своего путешествія на Констанцкій соборъ никогда не выѣзжалъ изъ Чехіи.

имѣтъ уже и потому, что Иеронимъ явился въ Псковъ въ свитѣ посольства отъ литовскаго князя Витовта, съ которымъ псковичи вели упорную борьбу и котораго считали самымъ злымъ врагомъ православія. Въ словахъ и поступкахъ Иеронима псковичи, несомнѣнно, усмотрѣли-бы какую-нибудь заднюю мысль, хитрую уловку литовскаго посланца. Псковскія лѣтописи даже и не упоминаютъ о прїѣздѣ въ Псковъ Иеронима; этотъ любопытный эпизодъ какъ-будто прошелъ совершенно незамѣченными псковичами.

Дѣлая эти замѣчанія въ тѣхъ видахъ, что историки славянофильскаго направленія въ фактъ поѣздки Иеронима склонны были усматривать доказательство внутренняго сродства гуситства съ православіемъ. Такого значенія разсматриваемый фактъ, конечно, не имѣетъ ¹⁾.

По изслѣдованіямъ чешскаго ученаго *Ф. Палацкаго*, гуситское учевіе еще при жизни Гуса, въ 1413 г., проникло и къ южнымъ славянамъ: но подъ угрозой тюремнаго заключенія первый проповѣдникъ гуситства *Доминикъ съ Заграбья* долженъ былъ прекратить здѣсь свою дѣятельность.

Такимъ образомъ, если и не по сферѣ вліянія, то хотя бы по широкой симпатіи и интересу, какіе имѣли Гусъ и Иеронимъ къ славян-

¹⁾ Въ какой степени неправильно представляли себѣ старинные русскіе писатели характеръ дѣятельности Гуса и Иеронима, можно судить по слѣдующимъ замѣткамъ подъ 1409 и 1414 г.г. въ прибавл. къ Иват. лѣтописи: „иаста въ землѣ Ческой новыи еретикъ Юанъ Гусъ, его же потомъ зъ писма препрѣна и не хотица каятися огнемъ сожгоша“; „въ сіе лѣто Юанъ Гуса еретика, препрѣна зъ писма, огнемъ сожгоша, а по немъ его ученика Еронема. Еще панежовъ три“ (Полн. собр. рус. лѣт. т. II, Сиб. 1843 г., стр. 353). Эти тенденціозныя запоздалыя замѣтки замѣтнованы русскимъ лѣтописцемъ, очевидно, изъ польскихъ хроникъ, писанныхъ въ пору ожесточенной борьбы польскаго духовенства съ распространявшимся въ Польшѣ гуситствомъ. Нашему же лѣтописцу принадлежитъ лишь безмысленное дополнительное сообщеніе о сожженіи трехъ панежовъ.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что старинные наши писатели совершенно не интересовались западнымъ славянствомъ. Въ концѣ того же XV в. Псковскій дьякъ *Самуилъ съ Дубкова* передаетъ, напр., что результаты кирилло-меовдіевской проповѣди у чеховъ и поляковъ были уничтожены еще въ X в. еписк. Войцехомъ. Любопытное извѣстіе Самуила и теперь служитъ предметомъ споровъ у польскихъ ученыхъ—защитниковъ и противниковъ существованія славянскаго обряда въ древней Польшѣ.

скому міру, не будетъ ошибкою назвать ихъ не только чешскими, но и вообще *славянскими* дѣятелями. Последнее названіе она особенно заслуживаютъ по характеру своихъ отношеній ко всему, что носило отпечатокъ нѣмецкаго вліянія въ жизни чешскаго народа.

Чехія и политически, и культурно была тѣсно связана съ нѣмецкою или—какъ она, тогда, называлась: Священною Римскою имперіею. Въ результатъ этого нѣмецкаго вліянія широкою струею проявляло во всѣ среды чешской жизни, въ самой опасной формѣ—мирнаго, культурнаго завоеванія нѣмцами славянскаго народа. Только простой народъ сторонился этого чужеземнаго вліянія, такъ какъ оно ничего ему не дало кромѣ порабощенія; высшій же классъ: чешскіе владыки, рыцари, а также городское сословіе—мѣщане, постепенно утрачивали свой національный обликъ. Славянскому народу грозило неизбежное опѣмеченіе, а даже государи нѣмцы,—напримѣръ, чешскій король Карль IV, по соображеніямъ, разумѣется, практическаго характера, а не изъ какой-нѣб. симпатіи къ славянству,—вынуждены были принимать мѣры противъ поглощенія чешской націи нѣмцкою. Ко времени Гуса нѣмецкое вліяніе въ Чехіи превратилось въ нѣмецкое засилье, и чехи находились въ порабощенномъ состояніи у пришельцевъ—нѣмцевъ. Пражскій губернаторъ и городская дума только по имени были учрежденіями чешскими, на самомъ же дѣлѣ въ нихъ безконтрольно почти распорядились нѣмцы. Въ университетѣ $\frac{3}{4}$ голосовъ принадлежало нѣмецкимъ профессорамъ и студентамъ; въ Пражской городской думѣ изъ 18 мѣстъ только два было предоставлено чехамъ, а 16 нѣмцамъ. Такое же соотношеніе было и въ сферѣ церковнаго управленія: высшія церковныя должности и болѣе доходныя мѣста отняты были нѣмцами, и въ чешскихъ храмахъ проповѣдь велась если не на латинскомъ, то исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Разговорный чешскій языкъ представлялъ собою неструю смѣсь чешскихъ и нѣмецкихъ словъ, и для простолюдина, не знавшаго по-нѣмецки онъ былъ, по свидѣтельству Гуса, совершенно непонятенъ. Литературнаго чешскаго языка въ сущности и не было; попытки выеать или произносить проповѣди по-чешски вызвали осужденія и насмѣшки со стороны самихъ жителей Праги. Одному изъ предшественниковъ Гуса—*Яну Миллчу* пришлось уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ учиться говорить по-нѣмецки, чтобы его проповѣди могли имѣть успѣхъ у пражанъ.

Лучшіе чешскіе люди—упомянутый сейчасъ *Миллчъ*, его ученикъ *Матвей* изъ *Янова*, особенно *Бома Штитнскій*, понимали всю несообразность дѣла и пытались создать національную б-гословскую лите-

ратуру; но они въ встрѣчали сочувствія въ обществахъ и потому не имѣли замѣтныхъ успѣховъ. Дѣло измѣнилось съ выступленіемъ на литературное поприще Гуса.

У Гуса была, можно сказать, врожденная отчужденность отъ всего нѣмецкаго, связанная, очевидно, съ самымъ происхожденіемъ его изъ простой, нетронутой чужеземнымъ вліяніемъ, крестьянской среды. На нѣмцевъ онъ смотрѣлъ, какъ на главныхъ своихъ враговъ, и въ своей обличительной рѣчи «*нѣмецкихъ шпехеровъ*» онъ ставилъ въ одинъ рядъ со лгунами, обидчиками, клеветниками. Съ большимъ недоверіемъ онъ относился и къ такъ называемой нѣмецкой лояльности. «Всѣ нѣмецкія поколѣнія, живущія на землѣ чешской, должны бы были притти къ королю и присягнуть въ вѣрности ему и землѣ чешской, но это случится—добавляетъ Гусъ—тогда развѣ, *когда змій согрѣется на льду*»¹⁾.

Неудивительно отсюда, что на борьбу съ нѣмецкимъ вліяніемъ Гусъ смотритъ, какъ на одну изъ непосредственныхъ задачъ своего служенія, и направляетъ ее на разнообразныя стороны въ нѣстной жизни. Прежде всего онъ заботится объ очищеніи чешскаго языка отъ чуждыхъ ему вѣсловій и къ этому священному дѣлу призываетъ всѣ классы чешскаго общества. «Князья, паны, рыцари, владыки, нѣщане—говоритъ онъ, должны бы приложить стараніе, чтобы чешская рѣчь не гибла; случится—ли чеху жениться на нѣмкѣ—чтобы дѣти тотчасъ же учились по-чешски и не *двоили рѣчи*». Ниже онъ разъясняетъ, къ чему приводить это двоеніе рѣчи: «пращане и другіе чехи... говорятъ на половину по-чешски, на половину по-нѣмецки, такъ что, когда слышать настоящий чехъ, какъ они говорятъ по своему, онъ ничего не разумѣетъ».

Но Гусъ ограничивался однимъ лишь предохранительнымъ мѣрами. Онъ очень много сдѣлалъ для выработки правильнаго литературнаго языка. Особое сочиненіе онъ посвятилъ изложенію правилъ правописанія и далъ такую ясную и точную систему письма, что съ небольшими сравнительно измѣненіями она употребляется въ чешской орфографіи и

¹⁾ Старинное чешское присловье. Для отрицательнаго отношенія Гуса къ нѣмцамъ характерно и слѣдующее его разъясненіе особенностей природы славянской и нѣмецкой. Когда приходится оправдываться въ той или другой погрѣшности, чехи обычно ссылаются на старину: «у насъ такъ издавна», нѣмцы же всегда на народное свое изреченіе: «это—наше право». Позднѣе, какъ увидимъ, Гусъ значительно смягчилъ свой отзывъ о враждебномъ отношеніи къ славянству нѣмцевъ. Впрочемъ, онъ имѣетъ здѣсь въ виду лишь отношеніе нѣмцевъ къ борьбѣ чеховъ съ папствомъ.

до настоящего времени. Въ то же время, прекраснѣе для народныхъ, неиспорченный «двоемиръ», языкъ, въ своихъ сочиненіяхъ Гусъ часто употреблялъ народные обороты рѣчи, пословицы, такимъ образомъ для дальнѣйшаго развитія литературнаго языка далъ богатый матеріалъ. Этотъ матеріалъ особенно цѣненъ потому, что чешская литература вообще бѣдна намотниками древняго, народнаго творчества—основоу развитія каждаго литературнаго языка. Это чистотѣ и правильности рѣчи чешскія сочиненія Гуса, особенно его «Постыла»¹⁾, а въ современной чешской литературѣ могутъ занимать мѣсто литературныхъ образцовъ.

Имѣя въ виду разницу въ нарѣчіяхъ и мѣстныхъ говорахъ и заботясь объ единообразіи литературнаго языка, Гусъ въ послѣсловіяхъ къ своимъ чешскимъ сочиненіямъ просилъ переписчиковъ, чтобы они не вносили мѣстныхъ особенностей произношенія въ письмо, точно придерживались оригинала переписываемаго, чтобы чешская книга была одинаково понятна во всѣхъ уголкахъ чешскаго государства.

Но Гусъ былъ чуждъ той нетерпимости, съ которою тогдашнее духовенство относилось ко всякому проблеску народной свободы, особенно въ области религіозной. Не скрывая трудностей въ передачѣ латинскихъ или греческихъ словъ на чешскій языкъ, онъ въ то же время нерѣдко подчеркиваетъ превосходство того или другого чешскаго церковнаго выраженія, по сравненію съ латинскимъ, и защищаетъ народныя каниты къ общеупотребительному тексту молитвъ и библій, разъ они не нарушаютъ религіознаго его смысла.

Чтобы оцѣнить результаты этой стороны въ патріотической дѣятельности Гуса, достаточно будетъ сдѣлать два сопоставленія или исторіи чешской письменности до Гуса и послѣ него. Во второй половинѣ XIV в. одинъ изъ первыхъ народныхъ писателей чешскихъ—Тома Штитскій, оправдывая, ссылкой на примѣръ апостола Павла, свое намѣреніе писать по-чешски, скромно замѣчаетъ: «буду писать по-чешски, потому что я чехъ, и Г. Богъ любитъ чеха столько же, какъ и латышска». Черезъ сто лѣтъ, во второй половинѣ XV в., одинъ изъ переводчиковъ твореній Златоуста прямо уже заявляетъ, что учить латинскій языкъ онъ хочетъ, но писать и говорить будетъ только по-чешски, потому что «давний намъ отъ Бога языкъ—прекрасный, богатый, благоудный, богатый», но своей красотѣ и ясности стоитъ неизмѣримо выше языка ивмедкаго, который однако силится потопить, стереть съ ли-

¹⁾ Постыла на недѣльныхъ еванг. чтенія.

ца земли нашъ и т. п. Такъ, значить, окрѣпла національная струя въ чешской литературѣ за какіе-нибудь пятьдесятъ лѣтъ со смерти реформатора чешскаго языка — Гуса

Благодаря главнымъ образомъ Гусу, получила возможность развиваться на національной основѣ и чешская наука, освобождаясь отъ оковъ нѣмецкаго руководства и попеченія.

Выше я уже замѣтилъ, что Пражскій университетъ по составу профессоровъ и студентовъ не былъ национальнымъ, чешскимъ учрежденіемъ. Но онъ не былъ даже учебнымъ учрежденіемъ международнымъ, чуждымъ политики и національно-партийныхъ раздоровъ. Профессора и студенчество дѣлились здѣсь на четыре національныя группы: саксонскую, баварскую, польскую и чешскую. Двѣ первыхъ группы были всецѣло нѣмецкими, состояли — одна изъ уроженцевъ сѣверной Германіи, другая — южной. Но и третья группа славянскою была только по названію, въ дѣйствительности же такую же нѣменкою, такъ какъ она состояла изъ овнѣченныхъ поляковъ Слезіи. Эти три группы представляли изъ себя одну сплошную нѣмецкую корпорацію, при рѣшеніи университетскихъ дѣлъ располагавшую тремя голосами. Чешская группа, имѣя одинъ лишь голосъ, въ университетскомъ совѣтѣ не пользовалась никакимъ вліяніемъ. Дѣло доходило до того, что чешскіе ученые перѣдко лишены были возможности занять въ своемъ университетѣ кафедру, должны были искать себѣ мѣста въ заграничныхъ университетахъ, порывать связи съ родиною. Чешскіе студенты бѣдствовали, въ то время какъ нѣмецкіе пользовались стипендіями и университетскими доходами.

Противъ такихъ ненормальностей раздавались голоса въ чешской группѣ и до выступленія Гуса; но дѣло не измѣнялось. Пользуясь уваженіемъ въ придворныхъ сферахъ, особенно со стороны каменной королевы Софіи, почитательницы Гуса ¹⁾, Гусъ добился коренной реформы университетскаго строя. Былъ изданъ законъ, совершенно измѣнившій положеніе национальныхъ группъ въ университетѣ: чешской группѣ было предоставлено три голоса въ университетскихъ дѣлахъ, а тремъ нѣмецкимъ однимъ. Тщето нѣмцы добились отмены этого закона. Раздраженные неудачею, нѣмецкіе профессора и студенты въ количествѣ 5000 человекъ демонстративно покинули Прагу, унося съ собою затѣнную злобу прѣгнать главнаго виновника ихъ пораженія — Гуса.

¹⁾ Она ежедневно посѣщала Виттеманскую часовню и сдѣлала Гуса своимъ духовникомъ.

Отлив такой ученой массы для научной жизни университета м. б. был и вреден; но онъ оказался чрезвычайно полезнымъ для національнаго возрожденія Чехіи, — послѣднее же было гораздо важнѣе процвѣтанія здѣсь латинско-нѣмецкой науки. Съ этого момента Пражскій университетъ становится центромъ національнаго движенія и выпускаетъ изъ своей среды новыхъ борцовъ за народъ и за его свободу.

На тѣхъ же національныхъ принципахъ и точно также при ближайшемъ участіи Гуса была проведена и реформа городского управленія. Въ Пражской городской думѣ нѣмцы должны были уступить свои 16 мѣстъ чехамъ, а сами ограничиться двумя мѣстами. И эта реформа, подобно университетской, повлекла за собою выселеніе нѣмецкихъ торговцевъ и ремесленниковъ изъ Праги, карушило нѣсколько нормальное теченіе экономической жизни города, зато существенно измѣнила самую физиономію чешской столицы.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ для защиты національныхъ требованій и интересовъ Гусъ никогда не прибѣгалъ къ софистическимъ приемамъ доказательствъ: его обоснованія очень просты и ясны. Божескіе и человѣческіе законы — говорилъ Гусъ — требуютъ, чтобы чехи въ своей странѣ занимали первое мѣсто и сами распоряжались своими дѣлами, какъ французы во Франціи и нѣмцы въ своихъ земляхъ ¹⁾. Принятія тотъ же принципъ къ церковному устройству, Гусъ указывалъ безмилостиво въ установившемся порядкѣ замѣщенія церковныхъ высшихъ должностей нѣмцами, не знающими чешскаго языка. Кто-бы допустялъ — замѣчаетъ онъ, чтобы чехъ, не знающій нѣмецкаго языка, могъ быть священникомъ или епископомъ въ Германіи? Отъ такихъ руководителей для цнства столько же пользы, сколько отъ нѣмой собаки, охраняющей стадо.

Нѣмецкое вліяніе въ Чехіи не ограничивалось частными сторонами въ общественной и церковной жизни. Оно кореннымъ образомъ измѣнило и древне-чешскій государственный строй, вводя сюда чуждый исторіи славянства феодальный порядокъ. Послѣдовательность требовала бы отъ Гуса обратить вниманіе и на этотъ чужеземный наростъ въ государственномъ чешскомъ организмѣ. Но феодализмъ усылъ уже пустить въ Чехіи такіе-такіе глубокіе корни, въ его сохраненіи были такъ заинтересованы привилегированные классы, что, всякая попытка

¹⁾ Противники Гуса свои обвиненія формулировали въ такомъ видѣ: „Гусъ говоритъ — нѣмцы критикуютъ насъ, захватываютъ должности, а мы молчимъ“. Гусъ не отказался отъ своихъ словъ.

къ ограниченію, ёсто реформы, могла бы, пожалуй, вызвать социальный переворотъ. Гусъ меньше всего интересовался ролью демагога. Въ его задачу, наоборотъ, входило объединеніе всёхъ чеховъ на основѣ евангельскаго ученія о братской любви и взаимныхъ безкорыстныхъ уступкахъ. Онъ былъ совершенно искренень, когда на обвиненія враговъ въ призывѣ къ національной и сословной травлѣ, отвѣчалъ имъ, что, напротивъ, всегда и всёхъ училъ лишь любви и послушанію. Однако, исходя изъ того же евангельскаго принципа о любви къ меньшей братіи, Гусъ не могъ пройти молчаніемъ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ въ феодальномъ строѣ—порабощенія народныхъ массъ, пренебрежительнаго отношенія къ простому народу привилегированныхъ классовъ. Онъ навсегда сохранилъ глубокую привязанность къ той средѣ, изъ которой вышелъ. Сѣдлачекъ—чешскій мужичокъ, бабичка—деревенская женщина или мелкая торгочка—вогъ любимые персонажи его чешскихъ сочиненій. О чемъ бы Гусъ ни говорилъ съ церковной кафедрой, онъ никогда не опускалъ изъ виду этого многочисленнаго и самаго внимательнаго разряда своихъ слушателей. Закончивъ обсужденіе того или другаго вопроса, онъ всякій разъ специально обращался къ простымъ своимъ слушателямъ, въ формѣ простого примѣра разъяснялъ имъ сущность дѣла и на судъ здраваго, не затемненнаго схоластикою, крестьянскаго ума въ концѣ всего переносилъ разбираемый спорный вопросъ.

Гусъ жалѣлъ, что по небрежности духовенства простой народъ остается безъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, не знаетъ, во что вѣрить, не въ состоянн сознательно участвовать въ богослуженіи. „Смотрить на икону и говорить: это Богъ, это Матерь Божія“. „Въ церкви крестьяне не молятся, стоятъ какъ столбы или глядятъ по сторонамъ; начнутъ пѣть—кричать, какъ свиньи, чтобы имъ дали ѣсть“. Возставая противъ лишней торжественности, театральности въ богослуженіи Гусъ замѣчаетъ: въ результатъ этого, придя домой, крестьянинъ пѣлый день рассказываетъ о томъ, что видѣлъ въ костелѣ, а о Богѣ и не вспомнить. Между тѣмъ Гусъ хорошо понималъ, какъ предавъ простой народъ религіи и церкви и что онъ совѣтъ пошнствовать въ отсутствіи правильныхъ понятій о Богѣ и о вѣрѣ. „Я нѣрѣдко наблюдалъ—говорить Гусъ,—что бѣдные поученные священники, простые міряне и женщины защищаютъ правду гораздо усерднѣе, чѣмъ доктора свящ. писанія“.

Онъ располагалъ народъ неодушеительно постигать службу и проповѣдь въ Вицлеской часовнѣ; обращался къ господамъ съ просьбою

и убѣжденіемъ, чтобы они не удерживали свою челядь отъ посѣщенія церковныхъ службъ и слѣдила за провозженіемъ ею праздничныхъ дней: совѣтовалъ имѣющимъ экземпляры его сочиненій читать ихъ неграмотнымъ; составилъ и располагалъ учить наизусть краткій катехизисъ для дѣтей; независимо отъ проповѣдей въ Вилеомской часовнѣ, пользовался каждымъ случаемъ и мѣстомъ, чтобы предложить народу слово назиданія и религіознаго утѣшенія. „Я проповѣдывалъ—говорять Гусъ—въ городахъ и деревняхъ, на поляхъ, иной разъ и въ лѣсу подъ липой“, всюду, гдѣ находилъ слушателей. Обличалъ недостатки въ жизни всѣхъ сословій, зова всѣхъ къ народу съ убѣжденіемъ бросить грубыя нехристіанскія привычки, поддерживать чистоту семейныхъ нравовъ, быть осторожными не только въ поступкахъ, но и въ словахъ: избѣгать божбы, тѣмъ болѣе такихъ странныхъ клятвъ, которыя приходилось слышать на каждомъ шагу: „Дай Богъ, чтобы я издохъ“, или: „Дай Богъ, чтобы меня черти выбрали“ и т. п.

Но Гусъ не ограничивался однимъ лишь назиданіемъ. Ведя борьбу противъ недостатковъ въ церковной жизни, онъ призывалъ къ участию въ ней не однихъ лишь сильныхъ, вліятельныхъ людей, но и простой народъ. Въ бесѣдѣ, напр., о симоніи онъ замѣчаетъ: „зло это слишкомъ распространилось и потому нужно на него открыть глаза простымъ людямъ“¹⁾. Онъ старался о томъ, чтобы „сѣдлачекъ“ или „бабичка“ умѣли дать отвѣтъ на схоластическіе увертки защитниковъ освященныхъ авторитетомъ папы церковныхъ злоупотребленій. Почти каждую свою полемику онъ сопровождаетъ замѣчаніями: „а на то ему и простой человекъ отвѣтитъ“, или: „сѣдлачекъ можетъ легко разсудить“, „Годка-торговка его обличитъ“, и т. п.²⁾.

1) Въ тѣхъ же видахъ онъ распорядился расписать стѣны Вилеом. часовни, чтобы народъ нагляднѣе могъ себя представить грѣхъ святокупства.

2) Изъ многочисленныхъ примѣровъ ограничусь однимъ. Схоластъ, выведенный подъ именемъ Люцка (Люцифера), возражая, что въ катол. церкви никакой симоніи нѣтъ, разъясняетъ: Симонъ произнесъ: возьмите деньги и даруйте мнѣ силу чудотвореній, а при посвященіи ничего не говорите и деньги вручаются послѣ посвященія. „Но на это Люцекъ услышитъ такой отвѣтъ отъ пекари Годка или торговки Годы: если кто у насъ торгуетъ хлѣбъ, то мы считаемъ хлѣбъ купленнымъ, безразлично, уплатить-ли покупатель деньги раньше, чѣмъ возьметъ хлѣбъ въ руки или послѣ—взявъ его.“

Гусь выдѣль, что простой слушатель съ полслова его понимаетъ, и потому вмѣсто разъясненій онъ иногда ограничивался короткою фразою: „кто можетъ разумѣть—разумѣй, такъ какъ долго пришлось бы разъяснять“¹⁾ Дѣйствительно слушатели Гуса—кожевники, портные, сапожники, не только понимали, но и сами выступали съ обличеніями священниковъ, чтобы тѣ—какъ выражается Гусъ—въ проповѣдяхъ своихъ не лгали, а ученые проповѣдники не находили лучшаго способа для возраженій своимъ обличителямъ, какъ кулачная расправа. Современный латинскій хронистъ съ негодованіемъ передаетъ, что даже женщины, „забывъ всякій стыдъ“, выступали на защиту ученія Гуса, ссылались на библію, а одна даже написала цѣлое сочиненіе, „съ дивнымъ—должноъ это признать возмущенный писатель—остроуміемъ и глубокомысленною мудростію“. По свидѣтельству упоминаемаго уже раньше кардинала Энея Сильвія, среди последователей Гуса—таборитовъ, рѣдко можно было встрѣтить женщину, которая не знала бы библію—не только Новаго, но и Ветхаго Завета. Такіе, значить, плоды принесли сѣмена, брошенная рукою Гуса на народную пиву.

Н. Серебрянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Невольный грѣхъ.

Въ дни всеобщей лажки въ Россіи «виннаго дѣла» не мѣшало бы в вашемъ духовному вѣдомству серьезно подумать—выйти изъ области «предпринимій» о снабженіи церкви болѣе или менѣе доброкачественнымъ отвѣчающимъ своему высокому назначенію, богослужебнымъ виномъ.

До сего времени, какъ извѣстно, въ этой области церковнаго хозяйства царилъ у насъ полнѣйшій хаосъ. Церковное вино или, такъ называемый, кагоръ, для богослуженія, покупалось, кому гдѣ вздумается,

¹⁾ Разказовъ объ обличеніяхъ прор. Данииломъ служителей Ваала, Гусъ думаетъ такое замѣчаніе: „и пѣть уже теперь нужды, чтобы ты, Даниилъ, мужъ снятыхъ вожделѣній, судомъ [своимъ] раскрывалъ постыдныхъ. *Теперь это понимаютъ и Годехъ и Климентъ и Пабелъ* (личныя чешскія имена), съ ихъ дѣтлами“, т. е. что подъ слугами Ваала нужно разумѣть алчныхъ и развращенныхъ священниковъ, и какъ къ нимъ относиться.

и въ ревсковыхъ погребкахъ, и въ свѣчныхъ (епархіальныхъ) складахъ; а то и просто у юркихъ спекуляторовъ. Продавалось оно въ посудѣ «запечатанной» (сомнительной печатью), а чаще всего приткнутой бумажкой или грибочкомъ. Цѣна на вино была самая произвольная: начиная съ двадцати копѣекъ, до рубля и дороже за бутылку.

Какое наше церковное вино по качеству, или точнѣе, по своимъ составнымъ элементамъ, одному Богу извѣстно. Несомнѣнно только одно, что въ винѣшнемъ кагорѣ, не говоря уже о двадцатикопѣечномъ, множество всякихъ суррогатовъ, начиная съ сахарина до фуксина включительно, и меньше всего въ немъ винограднаго сока. И вотъ на такомъ то «винѣ» совершается у насъ одно изъ величайшихъ христіанскихъ таинствъ—св. Евхаристія. Совершители его выдаютъ тутъ въ невольный, но тяжкій грѣхъ—кощунства.

Избавить духовенство отъ невольнаго грѣха можетъ и должно ваше центральное духовное управленіе, взявъ вмѣстѣ съ воскомъ непосредственно въ свои руки завѣдываніе снабженіемъ церкви богослужбынымъ виномъ. Говорить, недавно состоялось опредѣленіе Св. Синода, предвѣщающее созданіе собственнаго винодѣлія духовнаго вѣдомства.

Дав, Боже, чтобы скорѣе осуществлялись давнишнія желанія русскихъ пастырей и наши храмы получали вмѣстѣ съ чистымъ пчелинымъ воскомъ и чистое виноградное вино.

Священникъ М. Рюриковъ.

По поводу статьи «Нашъ грѣхъ».

Въ № 9 «Епархіальныхъ Вѣдомостей» появилась статья подъ заглавіемъ «Нашъ грѣхъ». Авторъ ея бросаетъ общій взглядъ на современное состояніе пастырскаго проповѣдничества и приходитъ къ выводу, что въ большинствѣ храмовъ у насъ произносятся проповѣди, не дающія ничего уму и сердцу слушателей. «Они болтаютъ»,—говоритъ авторъ. Въ противовѣсъ болтовнѣ, «священникъ» ведетъ рѣчь объ ораторскомъ искусствѣ и не признаетъ пригоднымъ въ храмѣ Божіемъ никакой другой проповѣди, кромя вдохновенной, которая «жгла бы сердца людей».

Не умаляя значенія ораторской рѣчи и принимая во вниманіе, какъ трудно «глаголомъ» жечь сердца людей», хотѣлось бы высказать болѣе скромный взглядъ на дѣло пастырскаго проповѣдничества. Увѣрять, что всѣ священники считаютъ проповѣдь для приходскаго священника дѣломъ *обязательнымъ* и всегда хотѣли бы исполнять этотъ пастырскій долгъ. Отпаденія отъ Церкви во всякія секты, усиленіе внославной пропаганды, появленіе ложныхъ пророковъ и лжеучителей, безсовѣстность которыхъ въ нравственныхъ отношеніяхъ можетъ сравняться только съ преступностью ихъ предъ гражданскимъ закономъ,—все это должно волновать пастырей, любящихъ св. Церковь и живущихъ ея радостями и ея горемъ. Если, какъ признаютъ, ереси и расколы процвѣтаютъ на почвѣ умственного невѣжества, то значить: пастырямъ не время молчать, но время глаголати. И, дѣйствительно, провинутые сознають своего долга, пастыри не молчатъ. Если авторъ статьи «наши грѣхъ» беретъ на себя смѣлость утверждать, что они «болтаютъ», то я осмѣливаюсь утверждать, что пастыри *благовѣствуютъ*, пѣкоторые илутно, пѣкоторые по книжкѣ. Можетъ быть, ихъ проповѣди не обладаютъ достоинствами ораторской рѣчи. Можетъ быть, она не зажжетъ сердца. Но отрицать всякое значеніе такой церковной проповѣди, по меньшей мѣрѣ странно.

Съ первыхъ же дней священства я поставилъ себѣ за правило: во всевозможнымъ усердіемъ говорить проповѣдь каждый воскресный и праздничный день. Въ деревенскомъ храмѣ, гдѣ все просто, начиная отъ обстановки и кончая прихожанами, *простая* рѣчь пастыря родится со всѣмъ. Я не воодушевляю слушателей, но пытаю цѣлью ихъ религіозное наученіе и нравственное воспитаніе. Вѣдь, пастырь прежде всего учитель. По заповѣди Спасителя и завѣту св. апостоловъ пастырь долженъ проповѣдывать слово Божіе «*благовременнѣ* и *безвременнѣ*». И дѣйствительно, «въ семь молящійся буквальной всякой проповѣди радъ»,—говоритъ неслышанный опытомъ профессоръ—священникъ Аггеевъ. Въ семь слушаютъ протесты, которымъ не требуется никакихъ украшеній рѣчи. А посему «горе мнѣ, если я не *благовѣствую*» «*благовременнѣ* и *безвременнѣ*». Я думаю, что скорѣе «наши грѣхъ» будетъ тогда, когда мы, пастыри, увлекаясь ораторствомъ и «мучительно долго» работая надъ своими рѣчами, часто будемъ оставлять паству безъ назиданій.

Священникъ П. П.

Церковь погоста Межницъ и преподобный Стилианъ.

Въ Порховскомъ уездѣ, въ погостѣ Межницѣ, съ 1828 г. красуется величественный, пятиглавый, каменный храмъ во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы. Храмъ достроенъ помѣщичей графиней В. Н. Звадовской, нашедшей, впоследствии подъ сводами его и вѣчное для себя упокоеніе.

Внутренность храма отличается красивымъ иконостасомъ и иконами художественнаго письма. Главныя святыни храма—икона всѣхъ святыхъ съ 96-ю частицами мощей св. угодниковъ Божіихъ и икона преподобнаго Стилиана, изображеннаго въ молитвенномъ видѣ, съ младенцемъ въ рукахъ. Последняя икона чтится, какъ чудотворная. Къ ней ибѣгаютъ усердіе не только прихожане храма, но и окрестные жители, прибѣгая къ преподобному съ молитвой объ исцѣленіи больныхъ дѣтей. Наибольшее стеченіе богомольцевъ бываетъ въ недѣлю всѣхъ Святыхъ. Рассказываютъ о многихъ случаяхъ благодатной помощи болящимъ отъ иконы Преподобнаго, наиримѣръ, объ исцѣленіи отъ болѣзни матери одного изъ священниковъ, служившихъ раньше въ Межницкомъ приходѣ, объ исцѣленіи больного сына внука одного изъ уѣздныхъ городовъ Псковской губерніи. Памятью послѣдняго чуда служить и риза на иконѣ Преподобнаго, сооруженная благодарнымъ отцемъ исцѣленнаго.

Кто былъ преподобный Стилианъ? Въ полномъ ибѣспредѣлѣ восточка, Архидіакона Сергія, во 2-мъ томѣ, въ части II-й, послѣдней заглавіе: «замѣтки», подъ 26-мъ числомъ ноябрю мѣсяца, сообщается слѣдующее. «Пр. Стилианъ. Въ Римскомъ мартирологѣ несомнѣнно Стилианъ названъ Азіій строикомъ. Можетъ быть и въ греч. прологахъ съ XI в. изъ того же Азіія сталита сдѣлали особое имя Стилиана, ибо: 1. Стилианъ также называется нафлагонинномъ; 2. Сказаніе о немъ такъ общо, что облачаетъ писателя позднѣйшаго, почти ничего не знавшаго о селѣ святоцѣ. Служба ему составлена поздно Стилианомъ Римскомъ и напечатана была въ началѣ XVII вѣка. (См. Синаке. Никодима). Въ Россіи св. Іуліанъ еп. Кенодавскій (13 іюля), изображается со спеленатымъ младенцемъ молившимся. Въ житіи его говорится, что онъ воскрешалъ и исцѣлялъ младенцевъ и отроковъ. У грековъ изображается Стилианъ съ повязанъ младенцемъ, и въ его житіи говорится, что онъ былъ врачъ болѣзней и что матери, лишившіяся дѣтей умирающихъ, съ изрою прибѣгали къ иконѣ его и рождали другихъ дѣтей. То и другое могло быть и съ Іуліаномъ и со Стилианомъ. Мы имѣемъ службу пр. Сти-

ліану, вторично изданую въ Константинополѣ въ 1819 г. Кавонъ въ ней—твореніе Митрофана Григоры изъ Додовы. Въ службѣ тѣ же общія свѣдѣнія, что въ синаксарѣ.

С. Е.

Епархіальная хроника.

== *Архіерейскія служенія.*—28 іюня, въ воскресенье, Его Преосвященство совершало литургію въ Кафедральномъ соборѣ, а послѣ литургіи—молебень о дарованіи побѣды русскому воинству надъ франками. Очередное слово за литургією произнесъ священникъ Авастрофенской церкви о. М. Гринскій.

28 іюня въ 6 час. вечера Архидиаконъ совершалъ вставочное бѣніе въ Одагитрѣвской церкви Печерекаго подворья, а 29 іюня—божественную литургію и молебень свв. первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу въ Псковскомъ Кафедральномъ соборѣ, съ приглашеніемъ многолюдія Царствующему Дому и благовѣрнымъ Государямъ Великимъ Князямъ Павлу Александровичу и Петру Николаевичу, по случаю дня ихъ тезоименитства. Очередное слово за литургією произнесъ Протоіерей Николаевской церкви о. Михаилъ Каменскій.

== *Посѣщеніе Его Преосвященствомъ лазарета духовнобольныхъ епархіи при Ильинской Общинѣ.*—30 іюня Его Преосвященство около 11 час. утра посѣтилъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, сержащихся на средства духовенства Псковской епархіи при Ильинской Общинѣ. Сестры милосердія. Прибывъ въ лазаретъ, Владыка посѣтилъ всѣхъ вѣзати, преподавая свое Архидиаконское благословеніе воинамъ, ободряя ихъ и утѣшая своимъ пріятливымъ, теплымъ отеческимъ словомъ и вниманіемъ. Нанутувемымъ благожеланіями раненыхъ и больныхъ вопповъ Владыка отбылъ изъ лазарета около часа дня.

== *Изъ дѣятельности нашей миссіи.*—Вынужденный обстоятельствами и побужденный влеченіемъ своего ума и сердца, не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ по поводу проведенной сесіи епархіальнымъ миссіонеромъ о. Сергіемъ Ефимовымъ 11-го мая въ Дегожской церковно-приходской школѣ съ представителями раскола Дмитріемъ Николаевымъ деревни Ручьевой и Никитою Яковлевымъ. Всѣгда началась въ 2 часа дня. Предварительно, вступительное рѣчью

выяснено, что въ церкви православной Духъ Святый, сошедшій на Апостоловъ въ 50-й день, непрерывно почиваетъ и въ настоящее время и что только пастыри этой церкви могутъ называться освященными лицами. На эту рѣчь отвѣчала пачебчикъ, вычитывая разныя мѣста изъ старопечатныхъ книгъ.

Далеко не тѣ робкіе, боязливые и не рѣшающіеся возражать стали теперь старообрядцы. Сколько дерзости у нихъ «сколько грубости и рѣзкости при упоминаніи о православіи и церкви». Совершенно иную картину являла рѣчь спар. миссіонера о. Сергія. Спокойствіе, съ которымъ онъ возражалъ, увѣренность въ правотѣ своего дѣла и сознание важности момента: «какъ бы не соблазнить единого отъ малыхъ сихъ», востину дѣлали его миссіонеромъ. Какъ хорошо было бы, если бы въ погостахъ Дегжѣ, Городовикѣ и Яскахъ почаще устраивать такія бесѣды. Насколько онѣ вліяютъ на старообрядцевъ—покажетъ будущее, но что въ средѣ православныхъ бесѣды разсѣиваютъ всякое сомнѣніе и укрѣпляютъ ихъ вѣру—фактъ очевидный.

Когда, послѣ 6 часовъ спора было ясно доказано изъ книгъ, что священство въ церкви пребудетъ вѣчно, до скончанія вѣка, самъ наставникъ, порядаемый уже въ его духовной глухотѣ многими православными присутствующими, развелъ многозначительно руками и сказалъ: «какъ-же такъ,—какъ быть? Сомнѣніе, значить, было брошено въ сердца и, я увѣренъ, оно возрастетъ въ большое дерево иѣрм въ православіе нашей церкви.

Погоста Дегжа свяц. П. Кукинъ.

— *Духовное торжество.*—15-го мая с. г. въ Ильинской церкви, погоста Ильинскаго, Опочецкаго уѣзда, происходило духовное торжество: присоединеніе крестьянина Красногородской волости, дер. Малое-Серебрянниково Исаакія Богданова изъ старообрядчества къ Православной церкви. Хотя это присоединеніе по счету уже и третье за трехлѣтнее служеніе священника Введенскаго въ пог. Ильинскомъ, но означенное торжество не можетъ быть не отмѣчено, какъ въ особенности—вызванное твердымъ и искреннимъ душевнымъ убѣжденіемъ новоприсоединеннаго въ правотѣ и истинности догматовъ Православной Церкви.

Означенное присоединеніе въ ухахъ старообрядцевъ несомнѣнно зародитъ сѣмена сомнѣнія въ своемъ вѣроученіи и недовѣрія къ ихъ вѣроучителямъ—наставникамъ, такъ какъ новоприсоединенному болѣе 60 лѣтъ отъ роду и онъ находился въ числѣ видныхъ здѣшнихъ старооб-

рядцевъ, отъ которыхъ пользовался—вниманіемъ и уваженіемъ, 2. Въ этотъ же день кр-ка Красногородской волости, дер. Поддубно, Марія Ефимова, уклонившаяся болѣе 20 лѣтъ тому назадъ изъ православія въ расколъ и вынѣ проживающая въ дер. Малое-Серебрянниково, сознала свое заблужденіе, бросила «старообрядчество» и возсоединилась съ православіемъ. Присоединеніе вышеозначеннаго старообрядца, приобщеніе колоприсоединеннаго Исаакія и вернувшейся въ православіе Маріи св. Хр. Танинъ, совершалъ мѣстный священникъ Михаилъ Введенскій, который, при этомъ обратился къ новымъ духовнымъ дѣтямъ съ назидательными, приличными случаю наставленіями.

N. N.

— *Святотатства.*—Въ ночь на 3 февраля 1915 года совершено покушеніе на ограбленіе часовни въ селѣ Золотковѣ, принадлежащей Успенской кладбищенской церкви гор. Великихъ Лукъ. Злоумышленникъ, взломавъ 4 тысячи замка часовенныхъ дверей, проникъ въ часовню, но взлома и ограбленія кружки не произвелъ. По вскрытіи кружки, въ ней оказалось 13 руб. 27 коп. О покушеніи заявлено мѣстной Полиціи.

Въ ночь на 30 апрѣля 1915 года неизвестные злоумышленники, выбивъ стекло въ распашной рамѣ Рождество Богородицкой церкви погоста Афанасьевой слободы, Опочецкаго уѣзда, противъ старостинской выручки, откололи карнизъ и часть верхвей доски шкафа, взломали тысячей и внутренней замка, вытащивъ ящикъ съ деньгами и изъ него похитили около 20 руб. Кромѣ того съ сѣверной стороны въ боковой двери, обитой жельзомъ, сломали тысячей замокъ; въ церковь же злоумышленники не проникли, такъ какъ внутри дверь запирается на крюки. О похищеніи заявлено мѣстной Полиціи.

Въ ночь на 4 мая 1915 года неизвестные злоумышленники, разломавъ два замка въ дверяхъ Знаменской церкви погоста Дубровня, Порховскаго уѣзда, проникли въ церковь и изъ старостинскаго ящика и кружки на украшеніе храма похитили около 19 руб. и четверть церковнаго вина. Дѣло передано судебному вѣдомству.

Въ ночь на 13 іюня 1915 года неизвестные злоумышленники раскинули жельзную рѣшетку въ алтарномъ окнѣ Всѣхсвятской Кладбищенской церкви гор. Торопца и, проникнувъ въ церковь, разломали старостинскую выручку, изъ которой похитили 5—7 рублей.

Къ розыску похитителей мѣстною Полиціею приняты энергичныя мѣры.

== *Памяти М. И. Стояновича.*—9-го мая скончалась преподавательница Псковской Маринской женской гимназии *Марія Ивановна Стояновича*, вдова покойнаго преподавателя Псковской духовной семинарии, Покойная *Марія Ивановна* представляла рѣдкій образецъ необычайной трудоспособности и энергии, ибо съ 16 лѣтъ, послѣ окончанія женской гимназии, въ теченіе 40 лѣтъ, неустанно работала на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ учительства, она трудилась и въ качествѣ секретаря гимназии.

Къ усердному труду возбуждали покойную какъ врожденная ей потребность полезнаго общественнаго дѣла, такъ и матеріальная необеспеченность ея мужа—преподавателя семинаріи, рано сошедшаго въ могилу и оставившаго *Марью Ивановну* съ двумя еще учившимися дѣтьми. Жизнь, полная матеріальныхъ недостатковъ и трудовъ, которая вышла на долю покойной, есть обычная жизнь семей преподавателей нашихъ духовныхъ школъ въ недавнее прошлое, теперь вѣсколько улучшившагя. И вотчимъ *Марьи Ивановны* былъ тоже преподавателемъ Псковской духовной семинаріи.

Стояновичи—и мужъ и жена—отличались рѣдкимъ гостеприимствомъ. Молодые преподаватели семинаріи, начинавшие свою службу въ незнакомомъ имъ городѣ, всегда находили радушный пріемъ и доброжелательное отношеніе въ семьѣ своего сослуживца, покойнаго Стояновича. здѣсь же они знакомились съ педагогами другихъ свѣтскихъ школъ Пскова и часто, благодаря этому, пристраивались въ этихъ школахъ и получали побочный заработокъ... Мы увѣрены, что многие изъ оставшихся въ живыхъ бывшихъ сослуживцевъ сохраняютъ въ душѣ прекрасныя благодарныя воспоминанія какъ о мужѣ *Марьи Ивановны*, такъ и оъ ней самой и, узнавши объ ея кончинѣ, искренно пожелаютъ ей вѣчной памяти и царства небеснаго.

Н.

Редакторъ М. Нутузовъ.

Дозволено духовною и военною пензурою, Псковъ 4-го іюли
1915 года.

Печатано въ типографіи Псковск. Губерн. Земства.